УДК 33 DOI: 10.14451/2.212.17

Цифровой корпоративный консалтинг: основные характеристики и правовая природа

© 2026 **Новиков Имад Заурович**
Аспирант кафедры гражданского права и процесса, юридический факультет. Академия труда и социальных отношений Москва, Россия.
E-mail: Imadaev0802@gmail.com

© 2026 **Букаева Ирина Николаевна**
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса. Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия.
E-mail: Imadaev0802@gmail.com

Ключевые слова: цифровой консалтинг, корпоративный консалтинг, цифровая трансформация, искусственный интеллект, машинное обучение, консультационные услуги, правовая природа, гражданско-правовой договор, информационные технологии, бизнес-процессы.

В статье исследуется правовая природа и основные характеристики цифрового корпоративного консалтинга как особого вида профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации бизнеса. Автор выявляет отличительные признаки цифрового корпоративного консалтинга. В работе систематизированы технологические и правовые характеристики цифрового консалтинга, включая алгоритмическую детерминированность, опору на большие данные и машинное обучение, масштабируемость, гибридную правовую природу ИИ-консультантов и специфическое распределение рисков. Особое внимание уделено правовой квалификации договоров цифрового консалтинга в рамках действующего гражданского законодательства Российской Федерации, где автор предлагает рассматривать их как смешанные договоры, сочетающие элементы договоров подряда, возмездного оказания услуг и консультационных услуг.

Актуальность исследования цифрового корпоративного консалтинга обусловлена совокупностью трех ключевых факторов, находящихся в экономической, технологической и правовой плоскостях. Цифровизация затрагивает все больше областей жизни общества, включая также и предпринимательскую деятельность. Для того, чтобы адаптировать бизнес к стремительно меняющимся условиям, необходимо использовать профессиональные знания в области информационных технологий. Это предопределяет постоянный рост спроса на оказание услуг в сфере цифрового консалтинга. Согласно данным статистики за 2023 год среди всех консалтинговых услуг наибольшая доля выручки приходится именно на IT-консалтинг и составляет 23% [9].

Ключевую роль в ускорении цифровизации бизнеса сыграла пандемия COVID-19, вынудившая компании искать новые эффективные инструменты для сохранения собственных позиций на рынке. Кроме того, в 2022 году многие зарубежные компании объявили о завершении своей работы на территории Российской Федерации [12]. Столкнувшись с новыми вызовами, российские компании начали активно привлекать консультантов для оптимизации внутренних процессов или кардинального преобразования своей бизнес-модели [10].

Также характерно увеличение числа кибератак, совершающихся ежегодно. В России с 2020 года наблюдается устойчивая негативная динамика в сфере киберпреступности [3]. Статистика совершаемых преступлений в цифровой сфере растет по всему миру. Так, правительство Австралии сообщало, что за три четверти года в стране было совершено более 75 000 киберпреступлений, что на 13% больше по сравнению с предыдущим годом [4]. Киберпреступность является внешним вызовом, который делает цифровую трансформацию не вопросом развития, а вопросом выживания, тем самым увеличивая спрос на профессиональный консалтинг.

М. Лекутович пишет, что в современном мире, меняющемся с беспрецедентной скоростью, роль цифрового консалтинга в стратегическом планировании и трансформации бизнеса становится как никогда важной [6]. Учитывая увеличивающиеся объемы цифрового консалтинга и постоянный рост спроса на данный вид сопровождения бизнеса, представляется необходимым исследовать цифровой корпоративный консалтинг.

В настоящее время исследователи утверждают, что цифровая трансформация крупных корпораций перестала быть выбором, но стала обязательным условием их дальнейшего существования и конкурентоспособности. Эмпирические данные свидетельствуют: 65% организаций регулярно используют генеративный искусственный интеллект в консультационной практике, что представляет почти двукратный рост за десятимесячный период наблюдений [16].

Природа цифрового корпоративного консалтинга состоит в формировании отношений между специалистом и заказчиком (компанией), складывающихся по поводу оказания услуг по внедрению новейших технологий в сфере производства и управления. Технологические нововведения обусловливаются в каждом случае индивидуально, основываясь на аналитических данных, произведенных оценках и предполагаемых перспективах. Оказание данных услуг требует безусловного учета специфики каждой конкретной компании, поскольку сопровождает интеграцию организации в цифровое пространство.

Для определения природы цифрового консалтинга следует выявить его уникальные особенности, основываясь на сравнительном анализе с иными видами консалтинга.

Так, цифровой консалтинг имеет целью практическую реализацию передовых технологий и трансформацию бизнес-процессов. Традиционный консалтинг же имеет целью получение экспертного мнения по разрешению того или иного актуального вопроса заказчика. От классического IT-консалтинга цифровой консалтинг отличается тем, что последний направлен не на поддержку и обслуживание уже существующей инфраструктуры, а на ее качественное изменение с приобретением конкурентных преимуществ. Кроме того, в отличие от создания определенного ПО, цифровой консалтинг преследует цель не только создания и использования конкретного программного продукта, а достижения конкретных бизнес-результатов (например, освоение нового рынка, повышение уровня лояльности клиентской базы, радикальное снижение издержек и пр.).

Следует отметить, что цифровой корпоративный консалтинг также имеет особенности в сравнении с более широким понятием «цифровой консалтинг». Представляется необходимым отграничить данные понятия, выявив их ключевые признаки и особенности. Целесообразным видится начать с исследования более широкого понятия — цифрового консалтинга.

Так, О. В. Староверова определяет цифровой консалтинг как деятельность, носящую проектный характер, целью которой является обеспечение информационной поддержки бизнес-процессов, направленной на предоставление независимой экспертной оценки эффективности использования цифровых технологий [11].

А. А. Юссуф, Д. С. Тимохина и Е. А. Гребенюк указывают, что цифровым консалтингом является «осуществляемое посредством индивидуального подхода построение специфических партнерских отношений между консультантом и клиентом в результате оказания консалтинговых услуг, направленных на анализ, обоснование перспектив развития и использования передовых цифровых производственных и управленческих технологий и методологий с учетом особенностей бизнеса и его повсеместного выхода в цифровую среду» [14].

Компания NMS Consulting трактует деятельность цифровых консультантов как деятельность по использованию технологий, данных и продуктового мышления для достижения бизнес-результатов. Он оценивает пробелы, проектирует решения и руководит внедрением в областях, связанных с облачными технологиями, данными и клиентским опытом [19].

В целом, цифровой консалтинг характеризуется рядом характеристик, которые можно подразделить на две группы: технологические и правовые.

I. Технологические характеристики:

1.1. Алгоритмическая детерминированность и непрозрачность. Цифровые консультанты функционируют на основе сложных алгоритмов машинного обучения, логика работы которых часто представляет собой «черный ящик» даже для разработчиков [15]. Это создает проблему объяснимости: клиент, а иногда и консультант, не могут установить достоверность и обоснованность рекомендаций.

1.2. Опора на большие данные и машинное обучение. Системы способны к обработке массивов информации, недоступных для человеческого анализа в разумные сроки [7]. При этом неточности в обучающих данных воспроизводятся и усиливаются алгоритмом, приводя к системным ошибкам в рекомендациях.

1.3. Способность к непрерывному обучению. Системы машинного обучения улучшают свою производительность по мере накопления опыта, обучаясь на каждом новом кейсе и автоматически оптимизируя точность своих рекомендаций.

1.4. Масштабируемость. Цифровые решения способны обслуживать неограниченное количество клиентов одновременно без увеличения затрат [18]. Услуги предоставляются через веб-платформы, мобильные приложения, API-интеграции с корпоративными информационными системами. Актуализируются вопросы трансграничного правового регулирования.

II. Правовые характеристики:

2.1. Гибридная правовая природа ИИ-консультантов. Алгоритм генерирует рекомендации, а человек-эксперт проверяет их достоверность и адаптирует. Таким образом, правовая квалификация должна учитывать множественность операторов ИИ-системы и распределение контроля над результатами ее работы на различных стадиях настройки и применения.

2.2. Ограниченная автономия и человеко-машинное взаимодействие. Цифровые консультанты функционируют в рамках параметров, определенных человеком, и не обладают подлинной автономией в смысле способности к саморефлексии, формированию собственных целей и независимого суждения. Степень автономии может изменяться в зависимости от задач. 2.3. Специфическое распределение рисков и ответственности. Цифровизация обусловила возникновение технологического риска, связанного с системными ошибками, алгоритмическими искажениями, кибератаками и непредсказуемым поведением систем машинного обучения.

Резюмируя вышеуказанное, считаем возможным сформулировать следующее определение цифрового консалтинга.

Цифровой консалтинг — это профессиональная консультационная деятельность, направленная на трансформацию бизнес-моделей, процессов и продуктов организации за счет стратегического внедрения передовых цифровых технологий (искусственный интеллект, облачные платформы и др.). Его целью является повышение операционной эффективности, создание новой ценности для клиентов и укрепление конкурентных позиций на рынке. Консалтинг реализуется через проектную работу с применением гибких методологий и фокусируется на достижении конкретных, измеримых бизнес-результатов.

О. В. Жигарь и Федонина П. А. среди основных услуг, оказываемых специалистами в рамках цифрового консалтинга, называют: определение степени цифровой зрелости организации, создание стратегии цифровой трансформации, а также внедрение так называемого бережливого производства [5].

Цифровой корпоративный консалтинг отличается от цифрового консалтинга тем, что представляет собой «режим» оказания цифрового консалтинга, характеризующийся максимальной сложностью, масштабом, степенью интеграции в компанию и высочайшими требованиями к управлению рисками. В корпоративных контрактах вопросы распределения прав на интеллектуальную собственность, ответственности за сбои в интеграции и соответствия законодательству стоят особенно остро.

Отсутствие четких легальных рамок для «цифровой трансформации» или «консалтинга в сфере AI» повышает риски. М. Абдуллаев указывает, что в настоящее время корпоративный консалтинг трансформируется из «продажи идей» во внедрение незаменимых решений [2]. Автор отмечает, что на сегодняшний день ключевое влияние на цифровой корпоративный консалтинг оказывают ИИ и технологические гиганты. Так, консалтинговое отделение OpenAI [1] интегрирует свои разработки в бизнес-процессы своих клиентов. Интеграция производится инженерами OpenAI непосредственно в технических командах заказчиков.

Цифровой консалтинг крупного бизнеса представляет собой комплексную стратегическую услугу, которая учитывает масштаб, сложность и стратегические цели корпорации. Работа ведется по нескольким ключевым направлениям. Здесь стоит отметить автоматизацию рутинных задач, составляющую базовый функциональный уровень цифровых технологий [17]. Системы машинного обучения способны обрабатывать структурированные данные, осуществлять первичную диагностику корпоративных проблем, генерировать стандартизированные отчеты и рекомендации.

Поскольку цифровой корпоративный консалтинг обладает уникальными характеристиками, то и его правовая природа не объясняется классическими договорными конструкциями. Это обстоятельство порождает правовую неопределенность. Представляется необходимым проанализировать наиболее близкие договорные модели.

Первой договорной моделью, обладающей сходными свойствами с цифровым корпоративным консалтингом, является договор возмездного оказания услуг.

В целом, консалтинг как деятельность подпадает под дефиницию услуги, содержащуюся в ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [13]. Однако следует отметить такую часть определения услуги как «надлежащее качество». Содержание гл. 39 ГК РФ, которая регулирует оказание услуг, не включает каких-либо правил, затрагивающих их качество. При этом к договорам оказания услуг применяются нормы общей части ГК РФ об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Так, ст. 783 ГК РФ устанавливает, что к договору возмездного оказания услуг применяются общие положения о подряде и бытовом подряде, если это не вступает в противоречие с положениями гл. 39 ГК РФ. Содержание ст. 723 ГК РФ устанавливает ответственность подрядчика за ненадлежащее качество работы.

Следовательно, данные правила распространяют свое действие и на договор возмездного оказания услуг. Качество определяется в ст. 721 ГК РФ как «соответствие условиям договора» либо как «соответствие требованиям, обычно предъявляемым к работам такого рода». В отношении цифрового корпоративного консалтинга выше неоднократно указывалось, что заказчик заинтересован в конкретном бизнес-результате (рост выручки, оптимизация процессов и др.).

В данном случае представляется маловероятным выявление «требований, обычно предъявляемых к работам такого рода», поскольку цифровой корпоративный консалтинг используется каждой компанией индивидуально и в каждом конкретном случае цели консалтинга будут отличаться друг от друга в зависимости от множества факторов (первоначальное состояние компании, ожидания руководства, обстановка на рынке и пр.).

Следовательно, применять к данным отношениям исключительно нормы, регулирующие оказание услуг, представляется неверным.

Следующим договором, с которым необходимо сопоставить цифровой корпоративный консалтинг, является договор подряда, урегулированный положениями гл. 37 ГК РФ.

Предметом договора подряда законодатель называет возмездное выполнение подрядчиком работ по заданию заказчика. В данном случае нормы, регулирующие договор подряда, могут применяться в отношении цифрового корпоративного консалтинга в той части, когда итогом является конкретный овеществленный результат (отчет по аудиту, архитектурная модель, прототип и пр.).

Однако ключевая характеристика цифрового корпоративного консалтинга состоит в интеллектуальном вкладе, стратегии и управлении внедренными изменениями, что само по себе не имеет материального выражения и не соответствует сущности подряда.

Еще одним договором, с которым цифровой корпоративный консалтинг имеет схожие элементы, является договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР), который урегулирован положениями гл. 38 ГК РФ (ст. 769-778).

Сходства данной модели договора и цифрового корпоративного консалтинга состоят в нескольких аспектах.

Для договора НИОКР характерно, что предмет составляет деятельность по получению новых знаний, а ее результатом может являться инновационный продукт, технология или опытный образец, а также техническая документация. Цифровой корпоративный консалтинг преследует цель не выполнить какую-либо типовую операцию, а найти новое и подходящее конкретной задаче решение (новая бизнес-модель, алгоритм) посредством проведения анализа и разработки.

Для обоих видов отношений характерно присутствие риска неудачи, поскольку в силу сложности и новизны задачи по договору, не представляется возможным предсказать или гарантировать достижение желаемого результата. В договоре НИОКР риск неудачи распределен на заказчика. Представляется, что аналогичное распределение риска в цифровом корпоративном консалтинге может оказаться для заказчика несправедливым. Вопрос о том, кто должен нести этот риск — клиент, консультант или разработчик технологии — остается предметом правовой дискуссии и требует законодательного установления презумпций и пределов ответственности каждого субъекта.

Нормы, содержащиеся в главе 38 ГК РФ, и относящиеся к НИОКР, регулируют также и то, каким образом распределяются между сторонами договора права на результаты интеллектуальной деятельности. Считаем, что регулирование данного аспекта также исключительно важно для цифрового корпоративного консалтинга.

Положения ГК РФ, содержащиеся в ст. 421 ГК РФ устанавливают право сторон заключать договор, содержащий элементы различных договоров —

смешанный договор. Данный вид договора позволяет соединить во множество элементов классических договоров в одном. Цифровой корпоративный консалтинг может содержать в себе элементы договора возмездного оказания услуг, подряда. НИОКР, лицензионного договора (для регулирования использования интеллектуальной собственности, созданной в ходе проекта), агентского договора (если консультант действует от имени заказчика при закупке сторонних решений).

Наиболее подходящей представляется концепция цифрового корпоративного консультирования как особой правовой категории *sui generis* или непоименованного договора смешанного типа. Признание договоров корпоративного консультирования особой категорией договоров позволяет учесть их уникальные характеристики, обусловленные тем, что правоотношения в сфере корпоративного консультирования представляют собой комплексные гражданско-правовые отношения.

Квалификация договора цифрового корпоративного консалтинга в качестве непоименованного смешанного договора, помимо очевидных преимуществ, имеет и ряд недостатков.

Так, может сохраняться правовая неопределенность, если стороны не установили, какие именно нормы должны применяться к конкретному спорному аспекту. В данном случае суд должен будет устанавливать это самостоятельно, что создает определенные риски для сторон правоотношения.

Кроме того, заключение такого договора сторонами требует высокого уровня юридической техники, глубокого понимания сущности предмета договора, порядка его исполнения, этапов исполнения и способов оценки результатов. Это необходимо, для того чтобы четко определить, к какому этапу или действию в отношениях должны применяться правила о подряде, а к какому — правила об услугах.

Таким образом, можно сформулировать понятие цифрового корпоративного консалтинга — это комплексная стратегическая деятельность по цифровой трансформации крупных корпоративных структур (холдингов, финансовых групп, транснациональных компаний):

- характеризующаяся уникальным объемом, трудоемкостью интеграции в существующие системы, необходимостью управления внедренными изменениями на каждом уровне;
- включающая алгоритмические компоненты (программное обеспечение на основе машинного обучения, экспертные системы, системы поддержки принятия решений), информационную инфраструктуру (базы данных, вычислительные мощности, платформенные решения) и человеческий экспертный компонент;
- осуществляемая под контролем профессионального оператора как единый механизм оказания консультационных услуг дуалистической правовой природы (сочетание автоматизированной обработки данных и независимого профессионального суждения);
- с сохранением конечной ответственности оператора системы за качество и обоснованность генерируемых рекомендаций.

Цифровой корпоративный консалтинг может быть охарактеризован как качественно новое комплексное явление в консультационной деятельности. Его формирование детерминировано вызовами цифровой экономики.

При этом ни отечественный, ни большинство зарубежных правопорядков не имеют нормативного определения цифрового консультанта или цифровой консультационной услуги. Неопределенность характерна для правового регулирования правосубъектности систем искусственного интеллекта [8] и для режима ответственности за нарушения договоров корпоративного консультирования. Отсутствует специальное регулирование защиты данных, в то время как функционирование цифровых консультантов требует обработки больших объемов корпоративных данных, часто содержащих коммерческую тайну.

Создание правовой среды для цифрового корпоративного консалтинга требует системного

подхода, учитывающего необходимость как стимулирования технологических инноваций, так и защиты прав клиентов.

Считаем эффективным поэтапное введение правового регулирования. Данный подход позволит избежать правового вакуума, а также чрезмерного регулирования, потенциального ограничителя для развития всей сферы.

Первым шагом в этом вопросе следует предложить разработку мягкого рамочного регулирования, которым будут установлены общие принципы и терминология. Содержание рамочного акта должно включать в себя базовые принципы регулирования, среди которых: принципы прозрачности и объяснимости, человеческого контроля (возможность профессиональной верификации данных), справедливости и недискриминации (обязанность предпринимать меры по выявлению и устранению алгоритмической предвзятости), подотчетности (установление ответственности субъектов), защиты данных (обязательное присутствие механизмов обеспечения конфиденциальности и безопасности в архитектуре систем).

Рамочное регулирование должно включать презумпцию ответственности: оператор цифровой системы и консалтинговая организация несут солидарную ответственность перед клиентом за качество рекомендаций с правом заявления регрессного требования к разработчику технологии при доказанности дефекта алгоритма.

Второй этап должен предполагать разработку специальных норм для высокорегулируемых секторов (финансы, юридическое консультирование, налоговое консультирование), где последствия ошибочных консультационных рекомендаций наиболее существенны. Специальное регулирование указанных сфер позволит учесть отраслевую специфику, сохраняя общие принципы рамочного регулирования.

Представляется, что третий этап может быть связан с развитием институтов саморегулирования и выработкой профессиональных стандартов консалтинговым сообществом.

Создание саморегулируемых организаций в сфере цифрового консалтинга позволит оперативно адаптировать регулирование к стремительно развивающимся технологиям без необходимости частого внесения изменений в законодательство.

Саморегулируемые организации должны разрабатывать профессиональные стандарты применения автоматизированных систем, этические кодексы, регламентирующие допустимые пределы автоматизации различных видов консультационных услуг, процедуры сертификации цифровых консалтинговых платформ, механизмы досудебного разрешения споров между консультантами и клиентами. Важным направлением деятельности саморегулируемых организаций должна стать разработка методологий аудита алгоритмов на предмет соответствия профессиональным стандартам, обеспечения объяснимости рекомендаций, выявления и устранения алгоритмической предвзятости.

На основании проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

Во-первых, цифровой корпоративный консалтинг представляет собой новое комплексное явление. Его отличительными чертами являются стратегическая направленность на трансформацию бизнес-моделей, опора на алгоритмы и большие данные, а также гибридная природа, сочетающая технологические инструменты и профессиональную экспертизу.

Во-вторых, уникальность этой деятельности обусловливает ее сложную правовую природу, которая не укладывается в рамки классических договорных конструкций российского гражданского права. На наш взгляд, наиболее подходящей квалификацией является отнесение соглашений о цифровом корпоративном консалтинге к непоименованным смешанным договорам.

В-третьих, существующая правовая неопределенность представляет собой системный барьер для развития отрасли. Первоочередными шагами должны стать разработка рамочных норм,

устанавливающих базовые понятия и принципы (прозрачность, подотчетность, защита данных), с последующей детализацией правил для критически важных секторов экономики и активным участием профессионального сообщества в создании стандартов и механизмов саморегулирования.

Таким образом, цифровой корпоративный консалтинг следует квалифицировать как непоименованный договор смешанного типа. Его последующее развитие требует формирования дифференцированного режима регулирования, который, с одной стороны, будет регулировать специфику распределения рисков и ответственности, а с другой — обеспечивать защиту законных интересов всех участников правоотношений.

Библиографический список

1. OpenAI / TAdviser. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/OpenAI (дата обр. 02.12.2025).
2. *Абдуллаев М.* Консалтинг на пороге перемен: трансформация отрасли / Курсив. — URL: https://uz.kursiv.media/2025-08-07/budushchee-konsaltinga-ai-i-bigtech (дата обр. 03.12.2025).
3. *Веденин Д. В.* О современном состоянии киберпреступности в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2024. — № 2. — С. 140—145.
4. Глобальный анализ рынка консалтинга в области информационной безопасности 2025, прогноз до 2034 года / DaikoConsulting. — URL: https://daiko.kz/globalnyj-analiz-rynka-konsaltinga-v-oblasti-informaczionnoj-bezopasnosti-2025-prognoz-do-2034-goda (дата обр. 04.12.2025).
5. *Жигарь О. В.*, *Федонина П. А.* Особенности цифрового консалтинга как направления консультационной деятельности в России // Общество, экономика, управление. — 2024. — № 2. — С. 37—42.
6. *Лекутович М.* Тенденции в консалтинге, формирующие будущее в 2025 году / Global Bridge. — URL: https://globalbridge.ae/ru/blog/consulting-trends-shaping-the-future-in-2025 (дата обр. 04.12.2025).
7. *Мамедов А. А.* Перспективы применения технологий больших данных в моделях управления эффективностью деятельности организации // Прогрессивная экономика. — 2025. — № 9. — С. 113—139.
8. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... канд. юридических наук : 12.00.03 / Морхат Петр Мечиславович. — М., 2018. — 420 с.
9. Рэнкинг крупнейших консалтинговых групп и компаний России (2024 год) Аналитика. Сайт рейтинговой группы RAEX. — URL: https://raexrr.com/b2b/consulting/biggest_consulting_companies_and_groups/2024/analytics (дата обр. 02.12.2025).
10. *Смоляк В. Н.* Развитие рынка консалтинговых услуг в современных макроэкономических условиях // Известия СПбГЭУ. — 2023. — 5 (143). — С. 100—107.
11. *Староверова О. В.* Некоторые вопросы ИТ-консалтинга в условиях цифровой трансформации бизнеса // Образование. Наука. Научные кадры. — 2020. — № 4. — С. 237—239.
12. Факторы, определяющие предпринимательское намерение к внедрению цифровых технологий во время кризиса / О. Р. Верховская [и др.] // Управленец. — 2024. — № 4. — С. 2—15.
13. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.
14. *Юссуф А. А.*, *Тимохина Д. С.*, *Гребенюк Е. А.* Цифровое консультирование: особенности цифровой трансформации в сфере консалтинга // Вестник университета. — 2020. — № 9. — С. 77—84.
15. *Atrey I.* Revolutionising the Legal Industry: The Intersection of Artificial Intelligence and Law // International Journal of Law Management & Humanities. — 2023. — Vol. 6, no. 3. — P. 1075–1089.
16. *Lari H.* AI in Consulting Services: Applications, Challenges, and Ethical Insights // Indian Journal of Computer Science. — 2024. — Vol. 9, no. 6. — P. 34–53.
17. Managing artificial intelligence projects: Key insights from an AI consulting firm / G. Vial [et al.] // Information Systems Journal. — 2022. — Vol. 33, no. 3. — P. 669–691.
18. *Oarue-Itseuwa E.* Artificial Intelligence's Impact of the Management Consultancy Sector over the Next Five Years // Management Consulting Journal. — 2024. — Vol. 7, no. 1. — P. 49–58.
19. What Is a Digital Consultant and What Do They Do? NMS Consulting. — URL: https://nmsconsulting.com/what-is-a-digital-consultant-and-what-do-they-do (visited on 12/03/2025).